

ЕЛЕНА
ЛИКИНА

ЗИМА В НОЯБРЕ

Елена Ликина

Зима в ноябре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70074778

SelfPub; 2023

Аннотация

В Ермолаево случилась очередная напасть – лютые морозы сковали деревню раньше положенного срока, зимняя нечисть стала ломиться в дома. Всё от того, что пропала маленькая Лада – дочь Анны и Тимофея. Найти девочку, а заодно и разобраться в своих чувствах и желаниях придётся её тётке по отцу – Тосе. А дружная Ермолаевская команда девчат поддержит её и поможет в трудный час. Седьмая книга цикла "Потустороннее в Ермолаево"

Елена Ликина

Зима в ноябре

Пролог

Анна проснулась от кошмара.

С тех пор, как она отвезла Ладу родителям, так повторялось каждую ночь, но никогда ещё сны не были столь тягучими и изматывающими.

Ей опять привиделась Мара. Лесная хозяйка больше не пыталась достучаться до Анны – теперь она требовала и угрожала. Прекрасный лик её менялся с каждым новым словом – Мара всё больше походила на каргу. Проявился горб, поседел длинные косы, из-под рваного подола показались красные босые ноги, такие тонкие, что с трудом удерживали её.

Уродливая да многорукая, нависала она над Анной – грозила скрюченным пальцем, размахивала острым серпом, сжимала чей-то иссохший череп, вертела на запястье ядовитую змею.

– Верни Ладу! – гулким колоколом заходилась разгневанная голос. – Верни крестницу! Её место здесь. Здесь!

– Дай ей немного подрасти. Она ещё слишком мала! – просила в ответ Анна. – Не лишай дочку детства. Прошу, подожди!

– Анна, Анна! Ты всё время боишься! Всё пытаешься увильнуть, спрятать Ладу. Но от истины не убежишь! Лада несёт в себе большую силу. Ей нужно помочь, научить управляться с даром!

– Нет! Пожалуйста, не надо! – молила Анна. – Лада слишком мала! Она может навредить себе! Подожди, Мара! Прощу!

– Время не ждёт! – узкое лицо со сросшимися бровями надвинулось близко-близко, ожгло ледяным огнём. Все восемь рук разом вцепились в Анну, и сердце пронзило болью, будто в него вкололи иглу.

– Верни! – провыла Мара волчицей. – Больше просить не стану. Пожалеешь!

– Почему ты так поступаешь с нами? – в глазах Анны закипели слёзы. – Почему не даешь спокойно пожить?

– Время! Время подходит. Его нельзя упустить!

– Она же совсем крошка! – Анна готова была сражаться за дочь. – Забери свою силу обратно! Пусть растет обычной девчонкой. Так будет лучше для всех!

– Обычной? – сдвинула Мара брови. – Вот как ты заговорила. Вот какова твоя благодарность!

– Пожалуйста, оставь мою девочку! Возьми кого хочешь, только её не трогай!

– Вот как запела... – склонила на бок голову Мара.

Одной из восьми рук принялась расплетать толстые косы, другой чесать волосы грубым гребнем, выдирая из них

клоки. Третьей рукой начала их щипать, разделяя на тонкие прядки, а четвёртой сплестать меж собой, выстраивая диковинный узор. Старушечьи пальцы двигались резво – невесомое полотно росло на глазах.

– Кого же мне взять вместо Лады? – обманчиво мягко спросила богиня. – Может, подружек твоих из деревни? Назови имя, Анна. Кого тебе не жаль?

– Мне... мне... – запнулась Анна. – Я не знаю. Не знаю! Выбери сама, только не трогай мою дочь!

– А, может быть, отдашь Тимофея? Или же мать с отцом? Хотя какой от них прок.

– Бери кого хочешь, но к нам не лезь! – Анну колотило от холода, зубы выбивали частую дробь.

– Неблагодарная Анна! Любишь ли кого-нибудь кроме себя?

– Дочь... дочь люблю! Свою Ладушку! Хочешь, меня возьми. Только её не тронь!

– Зачем ты мне, – отмахнулась Мара. – Была сила да вышла. Пустышкой ты стала. Никчемушиной.

– Кем бы я не стала, а дочь далеко! Тебе до неё не добраться! – отчаянно выкрикнула Анна. Откуда только смелость взялась.

– Ой ли? – расхохоталась Мара. – Какая же ты глупая, Анна! Разочаровала... разочаровала меня!

Она взмахнула всеми руками, набрасывая на Анну сплетённое полотно. Лёгкая сеть разом опутала, стянула тело. Ле-

дяные иголки проникли внутрь, остудили кровь, заморозили дыхание.

– Ладушка... – с трудом прошептала Анна и следом проснулась.

В комнате царил лютый холод. Тело почти не слушалось – настолько она успела промёрзнуть! Свечи, что разожгла с вечера спадарыня-домовуша, давно отгорели. Погасла и печь. Анна ничего не могла рассмотреть в чернильной ночной темноте.

– Тима... Тимофей, – протянув руку, она не обнаружила рядом мужа и сразу вспомнила, что он не остался дома, ушёл после очередной ссоры.

Тимофей был против того, чтобы увозить Ладу из Ермолаево. Как и знакомые девчата, он всё чаще спорил с Анной, пытался убедить, что дар дочери – это благо, а не тяжёлое бремя.

– Она со всем справится. Вот увидишь. Мы должны только помочь. Научить, что хорошо, а что плохо. Объяснить, как можно поступать, а как – нельзя. Лада смышлёная. Она всё со временем поймёт. И девчата помогут разобраться.

Однако Анна никого не хотела слушать. Стоял ноябрь, близились самые тёмные дни – когда нечисть свободно могла разгуливать по земле. Поэтому она и увезла Ладу к родителям. Боялась, что дочь привлечёт к себе злую силу. И сама станет таковой.

– Мне плохо, Тима! – шепнула Анна в пустоту. – Как ты

не можешь понять? Почему ушёл? Почему бросил в такой момент?

Ей никто не ответил, ни звука, ни шороха не раздалось в доме. Не тикали привычно ходики, не стрекотал под полом сверчок. Не ворошились подкармливаемые *клетником* мыши.

Странная тишина плотным коконом окружала Анну. И по-прежнему ничего невозможно было различить среди темноты.

Анна потянулась за одеялом, но не нашла его. Собралась встать с кровати и не смогла.

Что-то тоненько зазвенело в ушах, застучало в голове молоточками, и странное безразличие охватило Анну, удержало на месте, заставило всё позабыть.

Глава 1

– И теперь этот хорошо проявленный кусочек обильно смазываем тестом из приправ... – Варвара зачерпнула из мисочки густую буроватую пасту и принялась наносить на тонкий мясной пласт. – Чем больше пажитника вы в неё добавите, тем ярче и насыщеннее получится вкус.

Совсем рядом с грохотом прокатилось что-то тяжёлое. Затопали частые шаги, резковатый женский голос прошёлся матерком по какой-то безголовой *кутихе*.

Мысленно обругав Матрёшу, Варвара ослепительно улыб-

нулась в камеру и как ни в чём не бывало продолжила:

– Чудодейственные свойства пажитника используются и в колдовстве. Деньги, успешность, красота, молодость – всё можно привлечь с помощью этого уникального растения. Так, если поместить семена пажитника в банку, а потом прикопать её в землю, вы сможете увеличить свои доходы. Разумеется, не всё так просто. Есть некоторые нюансы. Но о них пока умолчу. Пишите в комментариях, интересно ли вам узнать подробности? И тогда в следующем видео я расскажу обо всём. Научу вас простейшим ритуалам, притягивающим удачу. Поделюсь особыми рецептами зелий. Теперь же попрощаюсь с вами. Вы были в гостях у Варвары на её Магической кухне. До новых встреч, друзья.

Остановив запись, Варвара отрезала тоненькую пластинку от бастурмы и с наслаждением прожевала.

– Всё жрёшь? – растрёпанная Матрёша вихрем ворвалась в комнату. – Ты закончила? Мне нужен штатив.

– А что же твоя помощница? – Варвара протянула Матрёше прозрачный розоватый ломтик. – Попробуй, это очень вкусно!

– Потом, всё потом, – отмахнулась Матрёша. – У меня трансляция запаздывает! Тупица *кутя* не может ровно удерживать телефон, представляешь?!

Открепив камеру, Матрёша подхватила штатив и устремилась обратно. Поскользнувшись на порожке, ласточкой въехала в дверь под чьё-то ехидное бормотанье.

– Так тебе! Так тебе! Вот тебе! Вот! *Кутя* обидку долгонько помнит! *Кутя* обидку не прощает! – толстенькая карлица захлопала из угла в пухлые ладошки, упиваясь своей маленькой мстью.

Нарумяненная, с начернёнными бровями, в ярко-розовом блестящем костюме она исправно копировала свою хозяйку. На острых рожках, торчащих сквозь улепленную стразами косыночку, крепились сияющие золотом клипсы.

– Ох, *кутя*! – вздохнула Варвара. – Не надоело тебе прекаться? Иди лучше сюда, у меня мясо подоспело. Сними пробу. Оцени результат.

– *Кутя* мясе любит! – карлица с готовностью просеменила к столу, зашмыгала приплюснутым носом, принюхиваясь к бастурме. – Пажитника дюже много. В носе свербит. А так ничего, мягонько, скусно.

– Не давай ей мяса! – прогремела со стороны Матрёша. – Она меня сглазила! И спёрла новый крем!

– Это какой же? – не сразу сообразила Варвара.

– Последний. Который от спонсора! Я про него рассказывать собиралась! Наглядно продемонстрировать омолаживающий эффект! – прихрамывая, Матрёша возникла в проёме. – Сорвала мне эфир, негодяйка! Всё, с меня хватит! Завтра же отправишься обратно к себе! Собирай пожитки!

– Не надо к себе! – испугалась *кутиха*. – Только не к себе! Только не в покинутую деревню!

– Ага! Ишь как запела, ишь завела! – злорадно прищури-

лась Матрёша. Забоялась?

– Забоялась, Матрёна Батьковна! – захныкала *кутиха*. – Не возвращай в покинутую деревню. Ведь не выживу тама одна!

– Какая я тебе Матрёна! – вознегодовала Матрёша. – Я ведь учила, как ко мне следует обращаться! Марианна-блонд-бьюти! Марианна! Набирающий популярность бьюти-блогер!

– Дюже мудрёное прозвище. Язык свернёшь!

– Поговори мне! Прямиком назад полетишь, за печку-развалюху!

– Нельзя мне туды, матушка-а-а! Пропаду! Захирею!

– То-то! – Матрёша задумалась на минуту, а после махнула рукой. – Так и быть. Пользуйся моей добротой. Командирую тебя в Ермолаево. Станешь за домом приглядывать, хозяйство вести.

– Ох, матушка! – *кутя* даже присела от восторга. – Взаправдочку в Ермолаево отошлёшь? Не передумаешь? Я мигом! Узелочек только сложу и готово дело!

– И что тебе здесь не живётся? В цивилизации! В городских условиях!

– Тошно здесь, матушка! В клетушках-сотах люда что пчёл понатыкано! Ни дворика справного, ни печки-кормилицы. А в твоей-то деревне простор, воздух! И *иные* рядышком. Не скучно!

– Ну и ладно. Найду себе другую помощницу. Вон у Аньки

спадарыню переманю.

– Не получится, Матрёш. – Варвара собрала на поднос грязную посуду. – Домовуша к Анне привязана. Придётся тебе без помощницы обходиться. Я же справляюсь.

– Тоже мне, сравнила! – фыркнула Матрёша, приглаживая торчащие во все стороны высветленные до белизны пряди. – Ты кто? Обычная стряпуха. А я творческая личность! Бьюти-блогерша! Разницу просекаешь?

– Ничуть! – Варваре сделалось немного обидно от подобной характеристики. – Готовка – сродни искусству! Я совершенствую известные рецепты, что-то придумываю сама...

– Перебарщиваю в чём-то, – продолжила за подругу Матрёша, придирчиво разглядывая щедро сдобренное намазкой мясо. – Его ещё в холодильнике выдержать нужно. А потом снова просушить.

– Знаю, – согласилась Варвара. – Но так тоже вкусно! Попробуй!

– Услуга за услугу. – длинным ногтем-лопатой Матрёша поддела кусочек бастурмы. – Я пробую твоё... ммм... произведение, а ты снимаешь мой ролик. Идёт?

– Да мне ещё убирать! – попыталась возразить Варвара. – И монтировать видео. И...

– Займёшься этим потом! – отрезала Матрёша. – У меня трансляция задерживается! Подписчики будут волноваться!

– А как же потерянный крем?

– Продемонстрирую помаду! Про крем после расскажу,

как *кутя* вернёт.

– Возвернула, матушка! Всё возвернула! Вон коробушка стоит, возле твоего агрегату. – отозвалась из комнаты неудалая Матрёшина помощница.

Возле подсвечивающего экраном ноута действительно помещалась яркая коробочка известной косметической марки. Чудодейственный крем обещал страждущим дамам вечную молодость и красоту.

– Вот и ладушки. – довольная Матрёша принялась подправлять помаду перед зеркальцем. – Сколько красоты в одном человеке! – провозгласила она, полюбовавшись на результат. – Пошли работать, Варвара. Часики тикают.

Но поработать в этот раз им не довелось.

Как только включили запись, сотовый Матрёши взревел диким напевом. От неожиданности Варвара едва не выронила камеру, *кутиха* же застыла испуганным столбиком, тараща неумело подведённые глаза.

– Ответь уже, *кутя*! – разозлилась Матрёша. – Кого там не вовремя проняло?

В трубке шипело и потрескивало.

– Кто здесь? – опасливо позвала *кутиха* и зачем-то подула в трубку.

– Да что ты творишь! Дай уже мне! – Матрёша вырвала телефон и гаркнула раздражённо. – На проводе быоти-блогер. Чего надо?

– Матрёшка! – донёсся издалека слабый голос. – Проис-

шествия у нас стрясласи! ЧеПа! Да такая ЧеПа, что аж ну!

– Котеич, ты дедовой настойки перебрал? Чего плетёшь? Говори яснее!

– Матрёшка... Возвертайси! И Варварку бери! Собирай-теси скопом, девчаты! Стольки всего приключилоси! Мара гневае-тси! Морозит Ермолаево! Зиму лютую на нас наслала!

– Мара? – не сразу расслышала Матрёша. – Сама?? Да что вы натворили, котей? А ну, говори!

– Возвертайси, Матрёшка... – голос дворового совсем ослаб. – Ладушку искать, Ермолаево спасать...

– Ладушку?... Спасать?... Можешь погромче? Алё, котей!

Но трубка ответила ей глухим молчанием. Связь с Ермолаево прервалась.

Глава 2

Волшебной пыльцы у Матрёши не осталось ни крошечки – добираться до деревни пришлось на перекладных.

Вывалившись из автобуса на развилке, Матрёша сдвинула беретку с повлажневшего лба и выразительно взглянула на Варвару.

– Всё как я тебе говорила! Наплёл кучу редкостей! Развёл как девчонок! А мы и повелись. Зима! Зима!.. Ну, доберусь до наглой морды! Все усы повыдергаю. Это ж надо было так лохануться!

– Да успокойся уже! – попросила Варвара. – Как бабка

старая. Ворчишь и ворчишь.

– А как мне ещё реагировать? Работа простаивает, анонсированный обзор крема до сих пор не сделан! А мы в чистом поле ворон собираем!

– Покажи хоть одну. Ворону! – Варвара хмыкнула и подняла сумку. – Пошли, Матрёш. Я рада, что мы приехали. У бабы Они хочу один рецепт уточнить. И вообще – очень соскучилась по нашим.

– Соскучилась она... – продолжая бурчать, Матрёша пустилась вслед за подругой. – Мы же сюда на праздники собирались. Всего-то чуть больше месяца осталось.

– И на праздники приедем. А как же!

Узкая тропинка петляла в зарослях сушняка, высоченные растения цеплялись за Матрёшину розовую шубейку, оставляя среди меха маленькие точки семян.

– Ну, погоди у меня, усатый! – Матрёша тщетно пыталась отряхнуться. – Теперь колтунами возьмётся! Весь мех сваляется!

– Не стоило тебе так наряжаться, – Варвару начало раздражать бесконечное брюзжание. – Знала же, куда едем. К чему этот розовый фейерверк?

– Куда бы не ехали – женщина должна сиять и искрить! – потряхнув длинными каплями-серьгами, Матрёша уткнулась в сотовый. – Странно всё-таки... Связи до сих пор нет.

– Ничего. Мы почти пришли, – Варвара старалась не показывать, что волнуется. – Сейчас вживую поговорим, без те-

лефона.

С тех пор, как им поступил странный звонок от дворового, они так и не смогли дозвониться до своих. Деревню словно отрезало от остального мира. Подобное уже случалось однажды, и Варвара беспокоилась, что ситуация могла повториться.

– Ни звука! Ни гу-гу! – Матрёша зачем-то потрясла телефон и воззвала к приятельнице. – погоди, Варь. Не торопись.

Ставив с головы беретку в сиреневых перьях, принялась обмахиваться ею на манер веера.

– Упарилась я... Солнце как летом печёт.

– Ты просто одета не по сезону... – Варвара прикусила язык, не хотелось снова выслушивать жалобы и стенания подруги.

– А всё почему? – гневно спросила Матрёша. – Вот доберусь до кудлача! Попомнит он свою выходку!

Ноябрьское солнце и вправду припекало – погода стояла не по-осеннему мягкая, совсем не предвещающая близкой зимы.

– Отдохнула, Матрёш? Пошли уже... – Варваре не терпелось добраться до бабы Они.

– Отдохнёшь с тобой, – Матрёша демонстративно обошла Варвару и захромала впереди.

В молчании они миновали половину пути. А когда завернули за поворот – словно переступили невидимую черту, оказались внезапно посреди лютой стужи!

Внешне ничего не поменялось, только тепло обернулось

сильнейшим морозом, от которого щипало лицо, и пушился на ресницах мохнатый иней!

Почти сразу Матрёшин телефон завозился в кармане да грянул неистовую мелодию.

– Девка! Аушечки! Дворовый на проводу! – гаркнуло сипловатым баском. – Торопитиси! У нас такое! Такое!..

– Мы почти добрались, котеич. – вместо приветствия прокричала Матрёша. – Что у вас здесь творится? Времена года попутались?

– Всё, всё попуталоси! Как Ладушку спёрли, так и пошло! Так началось!

– Что значит спёрли? – оторопела Матрёша. – А ну, давай подробности!

– Некогда мне с вами лясы точать. Тимку ещё искать надо. – в трубке слышались треск и возня.

– Тимофея? А он-то где?? Ало, котеич! Не слышу-у-у!

Помехи усилились, и сквозь несмолкающий гул до Матрёши слабо донеслось:

– Помогитя, девки! Замерзаю-ю-ю-у!..

– Да где ты? Куда бежать? – надсаживалась Матрёша. – Котей! Слышишь меня? Алло! Алло-о-о!

Но сотовый мигнул и отключился, больше не выдав никакой информации.

– Час от часу! – Варвара прекрасно расслышала коротенький разговор. – Доберёмся до бабы Они и там всё решим. Пошли, Матрёш, я совсем приморозилась!

Матрёша тоже тряслась в лёгонькой плюшевой «чебурашке». Новенькие кроссовки на толстой платформе совсем не держали тепло.

– Вот же попали! – кривовато напялив берет, Матрёша внезапно запнулась. Задрав голову, стала тыкать куда-то рукой. – Варька, Варька! Гляди! Гляди!!

Варвара не сразу поняла, на что среагировала Матрёша. Рассмотрев же получше, не сдержала испуганный вскрик.

Солнце стало иным! Злобным багровым оком смотрело оно на дрожащих подруг. Вокруг него что мошки роились смутные тени! Переплетаясь и кружась, дымным шлейфом опутывали светило, словно пытались набросить ловчую сеть, скрыть его под тёмной вуалью.

– *Поползухи!* – взвизгнула Матрёша и резво припустилась вперёд. – Давай, Варька! За мной! Быстрее!

Размахивая руками, она неуклюже побежала через поля, и Варвара едва поспевала за ней, продолжая оглядываться на зловещих неведомых *поползух*.

Дед Семён присел возле двери и долго не мог отдышаться.

– От, холодень лютуеть! От, прихватило меня! Слышь, как косточки от морозу стучат? Как барабан!

Грапа поднесла деду тёплого взвара, и после нескольких глотков его заметно попустило.

– Студит, говорю! Еле добрёл до вас, Грапа.

– Хоть не зря сходил?

– Кабы так! – с досадой выкрикнул дед. – Не пройти там! Сугробы что наши дома! Не идут через них ноженьки, вязнут!

– А до кухни пройдут? – Грапа поманила Семёна. – Щи как раз подоспели. Спасибо *кикуне* – расстаралась вчера.

– Щи? – дед резво потрусил следом. – Суточные? Ото дело! А капусточку не забыли? Ту, что Оня загодя заквасила?

– Добавили, Семён. И грибочки белые, и хлебушек ржаной... – Грапа доверху наполнила глубокую плошку. И дед замер, с благоговением вдыхая поплывший от варева аромат.

Кика крутилась тут же, растирала в ступке душистые травы, сыпала по холщовым мешочкам полученный порошок.

– Угощайся, Семён. – предложила Грапа. – Всё как положено соблюли. *Приварок* в печи протомили.

– Ох... – смачно зачавкал дед. – Как вкусно-то, Грапа! Ум отъесть можно!

Довольная похвалой *кика* заработала ещё энергичнее.

Грапа же присела напротив деда, пригорюнившись, подпёрла щёку ладонью.

– Не выходит у Они? – сразу смекнул дед. – Так Анька пленницей и сидит в дому?

– Сидит, бедняжка. Видно, самим нам не справиться, Семён. Придётся Матрёше звонить. Просить, чтобы приехали с Варей.

– Давно пора было! Негоже в городах прохлаждаться, когда такое завертелось!

– Она велела подождать. Зачем девочек лишний раз дёргать.

– Нашла девочек, – фыркнул в ложку Семён, разметав по сторонам кусочки капусты. – Скопом действовать нужно! Общей силой!

– Так и придётся... – Грапа подлила деду добавки. – Скажи лучше, отчего до брата не дошёл? Неужели и вправду там много снега?

– Бородою клянусь! – дед даже приподнялся в азарте. – По грудь... нет, по шапку!.. По шапку мою навалило! Не проехать, не пройти! Куды там!

– И что же ты?

– Дак что... – дед задумчиво поскрёб подбородок. – Посмотрел я на эту картину и назад повернул. Эх, Грапа! Что за напасть на нас? Что делать станем? Как разрешать ситуацию?

– Не знаю, Семён. Вот соберёмся все вместе – тогда и подумаем, что да как.

– И, что главное-то! У нас – сушь сплошняком! Земля звон от шагов отзывается! Наскрозь промёрзла! А как через переход сунулся – тама снегу! И всё валить да валить! Метёт и метёт! И эти, слышь, показались! Из *поползух*! Я как увидал – сразу дёрнул оттедова. Спасибо, *защитку* с собой прихватил. Без неё не добежал бы до деревни. Сгинул бы!

Глава 3

Погружённая в сонное оцепенение, Анна так и сидела на кровати. Словно сквозь стеклянную стену безучастно смотрела на суетящихся в дверях спадарыню и бабу Оню. Всё, что происходило сейчас за пределами её спальни, отдалилось, сделалось безразличным и чуждым.

Баба Оня тщетно старалась привлечь внимание Анны – стучала по невидимой стене, бросалась каким-то особенным порошком. Затеплив заговорённые свечи, водила ими вокруг, пытаясь оплавить невесть откуда возникшую преграду. Один раз ей почти удалось это сделать и в невидимой стене образовалось что-то вроде окна. Через это небольшое отверстие пахнуло на Анну горечью травяного дымка, слышались отчаянные призывы:

– Анна! Девочка моя! Сопровствляйся! Борись!

Достаточно было лишь небольшого усилия, и она прорвалась бы туда – в своё недавнее прошлое, в свою привычную жизнь. Но Анна даже не попыталась попробовать, среди опутавшего её ледяного спокойствия испытывала необъяснимое умиротворение, не имела больше ни желаний, ни чувств.

– Вот напасть на наши головы! – расстроено просипел *клетник*. – Хозяин сбежал! Хозяйка не в себе сидит!

– Поменьше ной! – огрызнулась спадарыня. – Принеси-ка лучше ещё свечей.

– Хватит! – баба Оня устало облокотилась о стену. – Не выйдет у нас ничего – противится Анна, не хочет прислу-

шаться.

– И что же теперь?

– Пока будет так. Главное, что Аннушка дома и никуда отсюда не денется.

– Это да... – грязным ногтем *клетник* поскрёб прозрачную стенку. – До чего же студёная! Лёд! Чистый лёд!

– Он и есть. – баба Оня по очереди загасила свечи. – Поеду. Умаялась я. Хочу отдохнуть.

– А Лада? Ладушка что же? – всплеснула спадарыня пёстрыми крыльями.

– Ладушка связана с Анной. Без неё вряд ли узнаем, где малышка.

– Да что знать-то! – *клетник* досадливо сплюнул. – Мара к себе прибрала крошечку нашу. Вон, вишь, хозяйка, лёдом опутана! Её работа! Морены-зимы!

– Может и так. Мара Ладушке благоволит. Не причинит вреда. Пусть девочка остаётся у неё.

– Но как же! – разохалась спадарыня. – Ты не станешь её искать? Оставишь всё как есть??

– Оставлю. Что я могу против великой Мары? – Оня нарочито возвысила голос. – Лесной хозяйюшке не занимать мудрости. Ей виднее, что делать, как поступать.

Под растерянным взглядом *домовуши* бабка побросала в корзинку вещички и попросила *клетника*:

– Посвисти батюшка-клетник, подзови мне наше такси.

Ждать аиста в доме Оня не стала. Запахнувшись в тулуп-

чик, вышла на мороз. На душе было скверно и горько не только от случившегося, но и из-за вынужденной лжи. Ничего, так будет лучше. У Мары везде уши, везде доносчики, так пусть думает, что девчата сдались, что не станут и пытаться противостоять её беспощадной силе.

Аист спикировал почти сразу. Подсадив пассажирку себе на спину, взвился вверх и полетел в сторону болот. Баба Оня задумала посетить мельницу – для вида разжиться мучицей, на самом же деле повидать давнюю свою приятельницу *мишигу*. Мельничная кикимора много знала, многое умела и могла дать дельный совет, подсказать, как лучше им подобраться к Маре.

Сухой мороз выстудил трясину. Она сделалась прочной и твёрдой, как земля. Редкие озёрки-оконца затянуло гладким прозрачным льдом. Мох порыжел и пожух, среди него унылыми скелетами торчали голые стволы чахлых деревьев.

За лесом, со стороны *перехода* небо затягивали тяжёлые тучи, там сыпал бесконечный снег.

Мельница была неподвижна. Не крутились лопасти-крылья, не слышно было знакомого шума. Возле закрытой двери копошилась невнятная фигура, в замызганном ватнике и шляпе-грибе раскладывала кругом нелепые самоделки.

– Лида Васильевна, есть кто дома? – баба Оня приостановилась рядом.

– А все! – расплылась та в улыбке. – Федька только по лесу блукает. Как Варька передумала замуж, так и ходит туда,

горемычный. Сильно по ней убивается. Сама знаешь...

– А ты что же мастеришь?

– Да ведьмин круг! Мельничку обезопасить хочу, в такое-то время!

– А грибочки откуда?

– Из теста сделала! – Лидия Васильевна с гордостью продемонстрировала бледную поганку на тонкой ножке-кривуле.

– Что же они у тебя в один цвет?

– Так красок нет. Гераська в доме засел. А Федька в лесу, я ж говорила.

Поправив сползающую на глаза шляпу, Лидия Васильевна извлекла из сумки совсем уж непознаваемую фигурку, чем-то смахивающую на приплюснутое яйцо.

– Головач! Как настоящий, скажи? Его у двери оставлю! Чтобы зло не прошло!

– Кто же надоумил тебя?

– Грибная мать! Во сне её увидала и сразу тесто завела! – погрозив кулаком наливающимся темнотой небу, бодрая старушенция прерывисто вздохнула. – Смутные времена заходят. А грибочки что сторожа! Сберегут наш покой, скроют мельничку от пришлых.

– А это что же будет? – баба Оня кивнула на странную конструкцию из мха да веток.

– Секрет, секрет, – Лидия Васильевна неуклюже раскинула руки, пытаясь скрыть очередное творение. – Нельзя!

Нельзя! После узнаешь!

— Как скажешь, затейница. — баба Оня не стала настаивать, подтолкнула деревянную дверь и прошла внутрь.

Тем временем Матрёша с Варварой добрались до деревни. Не поздоровавшись толком, наперебой заговорили про *поползух*.

— Клубятся! Ватажутся! — согласился Семён. — Нехорошо это, не к добру.

— Согласна, Семён. — кивнула Грапа, расцеловавшись с гостями. — Как вовремя вы приехали! У нас ведь опять неладно!

— Кто такие эти *поползухи*? — Варвара обернулась в поисках хозяйки.

— У Анютки наша Оня. Помочь пытается, — Грапа засуетилась возле печи. — Проголодались, небось? Садитесь к столу. После разговаривать станем.

— Про *поползух* хоть скажи. — снова попросила Варвара. — Что за сущности? Откуда взялись?

— На что он нужны! — скривился дед. — Видал я давеча одну на *той стороне*. И толку?

— Я их не рассмотрела совсем. — пожаловалась Варвара. — Тени и тени.

— Ты ходил на *ту сторону*? — Матрёша перебила подругу. — Один или с котеем?

— Зачем с ним. Один. Снегу там! Страсть как много напало. Не пробился сквозь него, пришлось поворотить на-

зад.

– Вот вам и зима в ноябре... – протянула Варвара. – Что за дела здесь творятся? Рассказывайте уже! Не томите!

– Да что говорить... – вздохнула Грапа. – Аннушка Мару разгневала. Всё из-за доченьки своей.

– Вот дура! – Матрёша картинно закатила глаза. – Всё так и прятала её? Продолжала чудить?

Грапа кивнула и нахохлилась.

– Допряталась. Попёрли нашу девчушку.

– Узнали хоть – кто?

– Думается, что *сама*! По всем позициям Морена выходит.

– А Анна что же?

– Анька в дому заперта! – с жаром выпалил дед. – Сидит сычихой равнодушной. Вовремя вы приехали, девки. И звать не пришлось.

– Нас котеич позвал, – Матрёша рассказала про странные звонки, а после спросила. – Где он сейчас?

– Дак шляется где-то, – отмахнулся дед. – Или приснул в тепле. Самое время для спячки.

– Какая спячка, Семён! Он звонил, просил помощи! – возмутилась Матрёша. – Мы потому и приехали. Скажи, Варь!

– Всё так, – подтвердила Варвара, помогая Грапе разливать дымящиеся щи. – Не дёргайся, Матрёш. Давай перекусим.

– Можно и мне добавочки? – дед причмокнул губами и

зажмурился. – Первоклассная продукция! Первый сорт!

– Не *камуфло* ваши щи! – Матрёша с тоской покосилась на тарелку. – Сейчас бы Ониных пирогов. А ещё лучше пиццу. Я б «Три сезона» заказала. Или просто из четырёх сыров.

– Ишь, завела! – хрюкнул в бородёнку Семён. – Пиццу ей подавай! Совсем в городские заделалася. Пообвешалася цацками, что ёлка. Ресницы метла метлой. А ногтищи!

– То самый шик! – отбрила деда Матрёша. – Не соображаешь в модах, так не лезь. Я быути-блогер, мне положено!

– Бути-богер? Что за зверюшка така?

–Тундра ты, дед. Я косметику обзираю, модные тенденции рассматриваю. Выношу в массы, так сказать. Просвещаю народ.

– У неё и помощница под стать, – подмигнула деду Варвара и вдруг тихо охнула, испуганно уставилась на приятельницу. – А где *кутя*, Матрёш? Ты же в сумке её тащила.

– Там и сидит. Она у меня стеснительная. Попривыкнет к обстановке и вылезет.

– Эта какая ж такая кутя? – заинтересовался Семён.

– Точная копия нашей Матрёши! – рассмеялась Варвара. – И характер скверный. Один в один.

– Ты к себе-то не хочешь зайти? – невпопад поинтересовалась Грапа. Она всё поглядывала в окно, ожидая возвращения хозяйки.

– Зайду, конечно. Только попозжа. Вот Оня вернётся, обсудим ситуацию и после схожу. Я ж *кутью* сюда насовсем при-

везла. В доме определяю. Она деревню любит.

– Это хорошо. Это правильно. Негоже дому пустовать...
– Грапа не успела закончить мысль – прильнула поближе к стеклу, вглядываясь в навалившиеся на деревню сумерки.

По улице прошло движение – пыль и да сухие листья взвились невысокими вихрями. Подгоняемые ветром, показались вперёд юлой. А за ними неуклюже задвигалась темнота, стала расти в высоту, стремительно приближаясь к небу.

Глава 5

Тоськин домишко почти замело. Посреди огромных сугробов сделался он невидимкою, слился со снежной белизной. Снегом подпёрло дверь да залепило оконца, только тонкий дымок из трубы указывал, что здесь кто-то живёт.

Матюха совсем примолк – уснул в глубине под печью, устроившись в гнезде из тряпиц и сушняка. Прижавшись к тёплому печному боку, радостно всхрапывал и мохнатый *вазила*, ему чудилась весна, поле в синих шапочках васильков. Солнце светило в спину, пригревая. А вдалеке раздавалось задорное ржание его родни.

Голбешка нахохлился в уголке. Поджав когтистые лапы, распушился в стожок, прикрыл совиные круглые глаза. Дремал.

Одна лишь Тоська бодрствовала сейчас – укутавшись в штопанную шаль, сидела возле стола, пристально всматри-

ваясь в наполненную до краёв миску. Время шло, а картинка в воде не менялась, лишь мельтешили снежные помехи, полностью перекрывая обзор.

– Только бы успел перейти! Только бы покинул обратку! – бормотала Тоська вполголоса. – Ты справишься, Тимош! Ты сможешь! Тебе не привыкать.

Тимофей погостил всего пару часов – расстроенный ссорой с женой, всё жаловался на Анну, сетовал на её мнительность и страхи. Тоська слушала его невнимательно – неясное предчувствие щемило сердце, не давало расслабиться, побуждало завернуть брата обратно домой. И когда с неба полетели первые снежинки, она почти вытолкала его за порог, велела бежать с *изнанки*.

– Что-то грядёт! Я чувствую силу и злость. Чувствую гнев Мары!

– С чего ей гневаться? – попытался возразить Тимофей, но в этот миг над поляной роем пронеслись *поползухи*, потрясая мешками без дна щедро ссыпали вниз белую крупу. Тоська едва успела набросить на брата *непрогляд*.

– Видал? А ты споришь! Поспешай-торопись! *Непрогляд* долго не продержится!

– Но для чего она их прислала? – Тимофей зачарованно уставился вслед *поползухам*.

– Спроси у жены! Думаю, дело в ней!

– В Анне? – опешил Тимофей и, забыв попрощаться, бросился бежать через лес.

– Ишь, припустил! – досадливо передёрнулась Тоська. – Как только про Аньку сказала, так сразу... Больше и просить не пришлось!

Мысли о невестке до сих пор вызывали колючую ревность. Но сейчас она не дала ей разгореться, послала вдогонку за братом обережную заклятку, поплевала вслед, чтобы миновала его встреча с *неприкаянными*, чтобы не увязались за ним *удельницы*, а *кошмары* не перестряли дорогу...

Обмакнув в воду палец, Тоська провела невидимый круг и осторожно подула в серединку. И опять замелькали снежные мушки, словно и не было в целом свете никого кроме них.

Тоська смотрела и смотрела, пока грудь не ожгло холодом – лунница, давний подарок Анны, сделалась словно кусочек льда!

Затрепетал воздух, и из пустоты проявилась зыбкая фигура, приморозила комнату, загасила огонь в печи.

Многорукая да ужасная с виду, зависла Мара перед Тоськой. Светла к переносице темные брови, потребовала, чтобы вернула брата назад, удержала возле себя на *изнанке*.

– А ты сама... сама не можешь его вернуть? – вопрос вырвался сам собой. Тоська хоть и робела перед Марой, не смогла удержаться от лёгкой подколки.

– Хочешь, чтобы сама? Могу! – Мара склонилась вперёд, жуткий лик оказался совсем близко. – Но не пожалеешь ли после?

– Зачем его возвращать? – новый вопрос дался Тоське с

усилием.

– Анна не пара ему! Больше не пара! Их нужно разлучить навсегда!

– Не ты ли благословила их?

– Прикуси-ка язык! Не доросла ещё, чтобы мне перечить! Слушай да исполняй, что велю! Поняла?

Нужно было кивнуть. Или сползти на колени. Прижаться лбом к стылому полу, молить о милости и снисхождении. Да только упрямство не позволяло Тоське покориться, удерживало на месте, мешало выполнить волю лесной хозяйки.

– Что же молчишь? Онемела от страха? – белые, будто стеклянные глаза прожигали Тоську насквозь.

– Я... думаю... – с трудом просипела Тоська в ответ. – Что... ты... хочешь мне... поручить?

– Сначала клятва! Потом задание! – усмехнулась Мара. Сузив глаза, прошипела хищно. – Клянись мне! Ну же, клянись!!

Словно тяжёлая гиря, потянула лунница Тоську книзу, ноги сделались ватными и чужими, подогнулись сами собой.

– Ты же была добра ко мне! – не хотела сдаваться Тоська. – В прошлый раз отпустила в деревню, позволила вернуться к своим.

– Что было, то снегом перемело! Лето сменила зима! – Мара вдруг изогнулась змеёй, заскользила мимо Тоськи кругом. – Клянись мне в верности и повиновении! Клянись не водиться с людьми! Клянись не видеться больше с подруга-

ми. Не бывать в деревне. Никогда! Никогда!!

– Что... мне... будет за это?.. – вцепившись в шею, Тоська пыталась оттянуть душившую цепочку.

– Ты смеешь ещё торговаться? – голос Мары взвился под потолок. – Изволь же! Я приближу тебя к себе! Приобщу к тайным практикам! Научу, как жить долго! Вечно!

– А... взамен? Что... нужно будет сделать... взамен?

– Да пустяк же. Пустяк! Извести Анну! Приглаживать за её дочкой!

– Ты забрала Ладу себе??

– Анна вынудила меня! Глупыми поступками заставила это сделать! Девчонка больше не вернётся к людям. Останется при мне навсегда!

– Но там же мать... – Тоська отчаянно пыталась дышать.

– Не зли меня! Я жду ответ! согласишься – тебе же лучше. Откажешь – закахнешь пленницей в этой дыре.

– А Лада? Что будет с ней?

– Отдам *поползухам*. Мне некогда присматривать за человеческим дитятей. Я жду ответа! Решайся, Таисия! Не зли меня!

Тоська корчилась на полу. Дышать было всё тяжелее, в глазах мельтешил бесконечный снег. Цепочка с лунницей-подвесом затягивалась на шее в безжалостную петлю.

«Отдам *поползухам*! Отдам *поползухам*! Отдам *поползухам*!» – молотом отдавалось в висках.

И когда воздуха совсем не осталось, Тоська всё же успела

шепнуть:

– Я согласна! Согласна...

Тимофей заблудился в метели – белая мгла укрыла под собой лес. Ветер толкал его в спину, гнал куда-то вперёд без дороги. И не было больше сил сопротивляться ему – ледяная пустота расцвела внутри, заполнила каждую клеточку, заморозила горячую кровь.

Зазвенели тихие колокольцы, завели незнакомый напев. В снежном вихре пронеслись *поползухи*, яростно встряхнули мешки, обрушили на Тимофея снежный водопад.

Он так и остался стоять неподвижно, оцепенел безмолвным снеговиком. Не слышал больше пения колоколец, не чувствовал, как улеглась метель, не видел, как знакомая приземистая фигурка поковыляла к нему от деревьев, опасно озираясь.

– Тимка! Отзовиси, ты тут? – дворовый тихонько постукал по снежной корке. – Хоть ворохниси чуток, пошли мне какой-нибудь знак!

Поскуливая и причитая, кот просеменил вокруг снеговика, безуспешно попробовал завалить того набок.

– Что ж это деется, что приключается! До Тоськи пути перекрыло. Матрёшка в Ермолаево пироги жуёт. Один я тучки маюси, с холодухи да голодухи терзаюси!

Сделав ещё пару кругов, дворовый решительно встряхнулся и выпустил кривые когти.

– Пипец котёнку! – проорав любимую присказку, зацарепал спрессованный снег, пытаясь добраться до Тимофеева лица.

– Закурить не найдётся? – хрипато спросили позади.

Тощий облезлый волк поддёрнул пояс на ветхой одежке, переступил на снегу дырявыми лаптями и неожиданно всхлипнул.

– Рвётся в нутре без табачку! Дай закурить, братишка! Не жлобствуй.

– Только не лезь обниматься! – дворовый отпрыгнул и с подозрением принялся. – Не было у меня таких сродственников! Ты кто такой?

– Не было, так будут! – радостно пролаял облезлый. – Хошь, дерево тебе изобразу? Генеалогический куст нарисую? Любого туда навертим за сигарочку! Только мигни.

– На кой мне гинелуческий куст, сроду сродсвенников не знал и теперь обойдуси. – дворовый выудил заветный мешочек и с сомнением воззрился на хрипатого. – Ты откель взялся? Кто таков?

– Бывалошный я, из *перекидной*. – хрипатый облизнулся на мешочек.

– Дворовые мы, с бабыониного подворью, – представился в ответ кот. И сжалившись над *перекиднем*, скомандовал. – Раскрывай ладошу. Отсыплю малость дедову табачку.

– Спасибо, братишка. Уважил старика! – занюхав щепоть, *бывалошный* весело расчихался.

– Ты пасть-то прикрой, – дворовый брезгливо отёр снегом усы. – Только бантериев мне не хватает!

– Что за зверюги? – разом подобрался *бывалошный*. По сторонам засаленной шапки шевельнулись лысые острые уши.

– Не бери в голову... – отмахнулся кот. – У меня к тебе просьба нарисоваласи. Помощь мне нужна. Сам не справляюси.

– Подмогну! – согласно закивал *перекидень*. – Обязательно подмогну! Что надо? Придушить кого? Или пугнуть?

– Снеговiku боки намять! Вишь, стоит, не шелохнется.

– Это запросто. Только зачем тебе?

– Как сладим дело – объясню. А теперь давай, ты спозаду заходи, а я спереду. Только сильно не бей. Там внутри человек.

Глава 6

На мельнице было шумновато.

– Что ж тебе нужно ишшо, окаянная! – потрясая сухонькими кулаками, *ишшига* ругалась на закваску. – Чего тебе не хватает, чего не нравится?

Расставленные по столу разномастные мисочки безмолвствовали, от полужидкого их содержимого расползлся тухлый запахок.

– Опять меня подвела! – обнявшись с Оней, пожаловалась

бабке *шшшшга*. – А ведь так хорошо росла поначалу, так пенилась!

– В тепле передержала? Или не доложила чего? – баба Оня с интересом осмотрела невнятную, отталкивающего вида субстанцию. – Чем ты её подкормила, *шшшш*? Соблюла рецептуру?

– Если бы я! Герась расстарался! – смахнув мисочки на пол, *шшшшга* гаркнула во всю мочь. – *Моргулютки-моргульки*, хорош лодыря гонять! Беритесь за дело! Всё вымыть да вычистить. Живо!

Из угла тут же затопотали шажочки – невидимые служки принялись выполнять команду.

– Послушные какие, – похвалила Оня. – Я всё гадаю, как выглядят твои *моргульки*? На кого похожи? Может, позволишь взглянуть? На минуточку снимешь покров?

– На что там смотреть, хари и хари! – отмахнулась *шшшшга* и повлекла гостью поближе к печи. – Присядь уже, отогрейся. У меня иван-чай настоялся. По чашечке выпьем, а после накормлю тебя. Только Герася сейчас покличу...

– Не тревожь его, *шшшш*. Посекретничать с тобой хочу, перемолвиться с глазу на глаз.

– Ну, ежели посекретничать, то пушай дрыхнет. – *шшшшга* поставила перед Оней паром исходящую чашку, разломилла напополам румяный хлебный кругляш.

– От чая не откажусь, – поблагодарила бабка и принялась разматывать пушистую шаль. – Хорошо у тебя здесь! Тепло,

спокойно. Будто не случилось ничего.

– Ты о морозе? – догадалась хозяйка. – Я сразу смекнула – неспроста он на землю лёг. Раньше срока Мара каргой обернулась.

– Каргой?

– А то ты не знаешь. – *ииииига* взглянула удивлённо. – Есть годы, когда особо лютует зима, поворачивается к миру безжалостной своей стороной. И звери тогда замерзают, и птицы. И люди следом. Никого не щадит карга, никого не жалеет.

– Вот и теперь обернулась... – голос у Они дрогнул. – И всё из-за нас!

– Не надо, Оня. Не наговаривай почём зря. Не из-за нас это – из-за одной глупой ослицы!

– Зачем ты так на Аннушку!

– А как прикажешь ещё? О чём думала, когда прятала дочь? Чего хотела добиться?

– Сберечь хотела, оградить. Но не вышло. – расстроено прошептала Оня. – Забрали Ладушку. Забрали...

– Вот так да! – охнула в ладошку *ииииига*. – Думаешь – она? Мара?

– Уверена, что она. Почти уверена. – бабка отхлебнула золотистого напитка и покивала. – Люблю капорский чай. Он душу согревает.

– Оня! – *ииииига* придвинулась поближе. – А если кто другой в этом деле замешан? Если и Мара не знает, где теперь

кроха? Вот и разошлась оттого! Разозлилась!

– Да кто другой решится на такое? Ладушка ведь зачуровать может. Или обратить в кого... не со зла, а случайно. Несмышлёная совсем ведь малышка, за ней приглядывать нужно.

– То Анне своей скажи!

– Да говорила! Уж столько раз говорила! Не я одна.

– И что теперь?

– Не знаю, шиша! К тебе вот крюк сделала, совета спросить.

– Из меня советчик, что из Лиды грибник. – *шишига* прислушалась к чему-то и зычно проорала. – А ну, вон пошли! Просейте муки под новую закваску! Чтобы как воздух стала. Иначе...

Моргульки резво прыснули прочь – копытца протоптали совсем рядом и стихли.

– Взяли манеру подслушивать. Хорошо хоть рты позашиты, никому ничего не сболтнут.

– Да все и так знают. В деревне разве скроешь секрет.

– А знают и ладно. – отмахнулась *шишига*. – Я тут про Тоську подумала. Она же сейчас на *обратке*?

– На ней. – подтвердила Оня. – И Тимка там.

– Опять разругались с Анькой? Давно ушёл? Знает про Ладу?

Но Оня лишь развела руками в ответ.

– Хорошо, что Тимофей у сестры, – неожиданно объявила

шишига. – Боюсь я за Тоську. Сильно боюсь. Вдруг не удержится, снова переступит черту.

– Не станет она по-чёрному колдовать! – заступилась за приятельницу Оня. – Одумалась Тося. Изменилась.

– А внутри червячок так и точит! Аньку ведь она не признала! И Ладе вовсе не рада. Когда последний раз их навещала?

– Ей время нужно...

– Эх, Оня. Слишком добрая ты, всех оправдаешь!

– Какая есть, шиша. Другой уже не стану, – бабка отставила чашку. – Пора мне. Ещё девчат созывать.

– Собирайтесь. Тогда и решим. Хотя что мы сможем противу Мары.

– Если не придумаем, как быть – отправлюсь к Маре сама. На разговор вызову, просить стану о милости.

– Ты-то может и станешь, да она вряд ли послушает. Мара ведь другая сейчас. Всем худо, а ей только в радость.

– Пойду я. – кивнула бабка. – Спасибо, шиша, что выслушала, поддержала.

– Собирай девчат. И защиту поставьте – мало ли кого Мара сюда пошлёт, мало ли что прикажет. *Поползухи* уже прилетали. Скоро и другие пойдут.

– А вы, смотрю, уже расстарались. Вон Лида Васильевна ведьмин круг собрала.

– Пускай чудит. Главное, что при деле. Ей хорошо, и мне спокойнее. Не мешается, не пристаёт.

– А Фёдор всё бродит?

– Бродит, Оня. По Варьке вздыхает да мается. До чего не свезло мужикам! Что Герась мой, что Федька – богатыри! Взглянуть любо-дорого, а вот поди же!

– Ничего, шиша. Найдут ещё свои половинки.

– Что на роду написано... – потуже затянув фартук, *шишига* направилась к двери. – Давай, что ль, аиста высвищу? Вызову для тебя такси.

Домой Оня вернулась под ночь – перестряли её по дороге *удельницы*. Сорочьей стайкой налетели на аиста-возницу, принялись щипаться да клевать, норовя угодить в глаза. Не растерялась бабка – швырнула в нечисть *адамовой головой*, сухим корнем, что заготовила летом. Посыпались градом перья, слышались стоны да крики. Сильнее молитвы и креста боялись *удельницы* этой чародейской травы.

Уже возле дома заметила бабка *жсихаря*. Длиннющий да тонкий, хромал он по деревне, замирая подле дворов, пытаясь заглянуть в окна. Облокотившись о крышу, пристраивал ухо поближе к трубе, прислушивался к людским разговорам.

У дальних построек шевелились корявые тени, там прятались или *безымени*, а может быть – *кошмары*.

Оня не стала присматриваться – быстро юркнула в дверь, подсыпала под порог четверговой соли.

Девчата не спали – на кухне горела свеча. Грапа с Варварой раскладывали пасьянс, Матрёша втирала в лицо зелёную липкую массу.

– Наконец-то! – Грапа приняла у бабки корзинку. – Я извела вся – в деревню нынче *налетело!*

– Ветер принёс с *обратки*. Такие тучи там ходят! – бабка присела к печи, положила руки на тёплый белёный бок. – Выдохлась я нынче. Устала...

– Вы нам не рады? – Варваре сделалось неловко.

– Рада, деточка. Очень рада! – слабо улыбнувшись, Оня прикрыла глаза. – Глова только кругом пошла – с приключениями пришлось возвращаться. Отдышусь вот сейчас и сразу обнимемся.

– Мы хотели *догляд*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.